

Н. Б. Колоколова

Крестный ход с образом преподобного Сергия Радонежского по Московской губернии во время эпидемии холеры 1848 г.

Начало семидесятилетней (1848—1919 гг.) традиции хождения с образом преподобного Сергия Радонежского из Троице-Сергиевой лавры по Московской губернии было положено во время холерной эпидемии 1847—1848 гг. оградительным крестным ходом, продолжавшимся с 22 августа по 21 сентября (ст.ст.) 1848 г. и проходившим по некоторым местам Дмитровского и Богородского уездов.

Подробные сведения об этом событии содержатся в «Описании крестного хождения из Троице-Сергиевой лавры с иконою преподобного Сергия, изображенною на гробовой его дске, в Хотьков монастырь, село Радонеж и другие окрестные места по случаю эпидемической болезни» (далее — «Описание»), текст которого по изданию 1849 г. публикуется в этом номере журнала и является брошюрой душеполезного чтения для народа (объем текста — 14—16 стр.). Известны четыре издания: в 1849 г. — первое, в 1850 г. — второе и третье и в 1892 г. — четвертое, в честь празднования 500-летия блаженной кончины святого, причем первые три раза «Описание» печаталось Университетской типографией, а в 1892 г. — типографией Чичерина. Двойное издание 1850 г. говорит о том, что исследуемый крестный ход стал значительным событием в жизни как лавры, так и всей Московской губернии, память о котором сохранялась и поддерживалась. Это произведение долго оставалось актуальным, поскольку после 1848 г. эпидемии холеры различной силы посещали Россию регулярно (ближайшие по времени эпидемии 1853, 1854, 1860, 1866 гг.).

По литературному жанру «Описание» представляет собой воспоминания очевидца, написанные сразу после возвращения крестного хода в Троице-Сергиеву лавру. В процессе последовательных изданий текст «Описания» претерпел небольшие изменения. Так, в третьем и четвертом

вариантах в начале повествования отсутствует слово «вчера», тогда как начало первого предложения первого и второго изданий выглядит следующим образом: «Вчера, 21 сентября...» Также в изданиях 1849—1850 гг. на титульном листе под заглавием есть указание: «Соч. М. А.» Начиная с третьего издания имя ходившего с образом иеромонаха Мануила сокращено до «М». В брошюре 1892 г. после основного текста на с. 14 вставлен дополнительный абзац: «В память этого события

Троице-Сергиева лавра. Успенский собор. Фото начала XX в.

Троице-Сергиева лавра. Троицкий собор, в котором почивают св. мощи прп. Сергия.
Фото начала XX в.

выстроен храм во имя преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца, Е. Ф. Бочаровым и освящен 1852 г. сентября 25 дня».

Можно предположить, что «Описание» было известно широкому кругу читателей. Во всяком случае, в 1860 г. в Духовный Собор Троице-Сергиевой лавры поступило письмо от рядового 1-й роты Кавказского линейного 29-го батальона из г. Ахалцах Кутаисской губернии Никифора Алексеева с просьбой выслать ему каталог духовной литературы, продающейся в лавре. Когда же этот каталог был им получен, он прислал список из десяти наименований, которые хотел бы приобрести, и среди них — брошюра «Описание крестного хождения...» по цене 10 копеек. В число заказанных Алексеевым книг входили также «Житие преподобного Сергия Радонежского», «Историческое сказание о чудотворных иконах», сборник «Райские цветы» и «Старческие наставления о. Назария»¹.

В начале всех изданий «Описания» на отдельном листе приведено изображение (прорись) образа преподобного Сергия в рост. На прориси показаны нимб и цата иконы, украшенные драгоценными камнями, края оклада покрыты растительным орнаментом. Под изображением помещена подпись: «Копия с древнего образа преподобного Сергия. Образ сей писан на дске, покрывавшей гроб преподобного, и стоит пред ракою святых и чудо-

творных его мощей, в соборном храме Святой и Живоначальной Троицы. Мерею длины 2 аршина 14 вершков, а ширины 14 вершков».

Частичное описание иконы можно найти в «Описи икон Троице-Сергиевой лавры», изданной в 1920 г. членом Комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры графом Ю. Олсуфьевым. В этом документе содержатся сведения о внешнем виде оклада и происхождении образа. «Ризница 189/731 16 век. Преподобный Сергий, размер 206 x 62,5; записана. Оклад чеканный; на полях 20 дробниц с чернью, 18 крупных камней древней шлифовки и 26

крупных жемчужин на спнях²; венчик золотой, чеканный; цата чеканная; в венчике 4 очень крупных голышей лазоревых яхонтов³, два весьма крупных лала⁴ древней шлифовки и 8 крупных жемчужин на спнях: в середине венчика — золотой с финифтью, унизанный 10 камнями крест; кругом него 5 крупных жемчужин, на цате 5 запонов (новых), по камню в каждом; запоны обнизаны алмазными искрами, у оплечий 4 камня, около них — нитки жемчуга, расположенные узором, в возглавии — чеканная золотая икона Св[ятой] Троицы (на столе три чаши); в среднем венчике иконы — большой голыш лазоревый яхонт, нижней своей стороной облегающий нимб среднего Ангела; на двух остальных венчиках по камню на спнях и по 2 жемчужины; кругом иконы Св[ятой] Троицы — нитка жемчуга; по сторонам иконы Св[ятой] Троицы, направо (от зрителя) — икона-каменя на яшме (нефрите), с резным яблоком (оглавием); кругом нее три бирюзы и нитки жемчуга; налево — икона-каменя на яшме же; по ее сторонам — три запоны с камнями и нитки жемчуга.

Надписания чернью на двух крестообразных клеймах с концами формы килевидной арки.

Икона написана на дске от деревянной раки преподобного Сергия повелением царя Феодора Иоанновича 15 августа 1585 года.

В том году была сооружена новая рака, существующая и поныне, за исключением крышки, из ко-

¹ РГДА. Ф. 1204. Оп. 1, Д. 9126. Л. 10.

² На штырях — Н. К.

³ Сапфир.

⁴ Рубин.

торой в 1835 году были сделаны иконы (небольшого размера складни, по благословию митрополита Московского Филарета (Дроздова) — Н. К.).

На основании Описи 1642 года можно считать, что описанный оклад иконы преподобного Сергия — с несохранившейся иконы, бывшей на крышке новой раки 1585 года»⁵.

Из текста можно сделать вывод, что доска и риза образа — разновременные, т.е. доска древнее оклада. Рака менялась один раз в 1585 г., а

Образ преподобного Сергия Радонежского на гробовой доске.
Иллюстрация из первого издания «Описания» 1849 г.

крышка — сначала вместе с ракой (отсюда происхождение иконы), второй раз — в 1835 г. отдельно (отсюда появление оклада иконы). Что же касается иконографии образа, то о ней в описи сказано лишь, что икона «записана», возможно, это произошло после вышедшего в 1777 г. указа митрополита Платона (Левшина) о поновлении образов. Понять, что святой изображен в рост, можно

только по указанным размерам. Между тем, иконография образа выглядит следующим образом: преподобный Сергий стоит анфас в монашеской мантии и епитрахили; руки подняты на уровне груди, правой рукой святой преподает благословение, а в левой держит свернутый свиток. Во второй половине XIX в. (начиная с 50-х гг.) и в лавре (иконки для богомольцев) и вне ее (заказные иконы, написанные в лаврской мастерской) наряду с идентичными изображениями был распространен поясной вариант иконы, более дешевый, который считался аналогичным полному изображению. В настоящее время списки с этого изображения святого встречаются повсеместно, причем чаще как раз поясные⁶.

Не упомянуто в описи и о трещине, которая имела на оригинале и из-за которой, начиная с 1909 г., его перестали выносить в крестные ходы, заменив списком.

В документах Учрежденного Собора Троице-Сергиевой лавры первой половины XIX в. сведений о проявлениях особого почитания описанного выше образа не обнаружено. В 1820—40-е гг. очень распространенной в Московской губернии была лаврская икона Видения (иногда называемая также Явлением) Божией Матери преподобному Сергию, изображающая одно из чудес из жизни святого и представляющая собой небольшой походный складень XVI в., помещавшийся над южными дверями Троицкого собора и с 1654 г. по 1905 г. и сопровождавший Российских Государей в военных кампаниях. В начале XIX в. об известности этой иконы свидетельствуют неоднократные, в 1802, 1817 и 1824 гг., поручения, данные Учрежденным Собором живописной мастерской, написать образ Видения Божией Матери чудотворцу Сергию (очевидно, для передачи кому-либо в благословение). А в 1820 г. Учрежденный Собор лавры давал распоряжение «о выдаче лаврского золота и серебра на сооружение на пять образов Видения Божией Матери живописных окладов на случай прибытия в лавру больших вельмож и других особ»⁷. По другим иконам за этот период подобной информации нет.

Что же касается распространения списков с рассматриваемого нами образа преподобного Сергия вне лавры, то сведения об отсылке икон в другие места, по просьбам духовных и светских лиц в благословение (т.е. написанных за счет обители)

⁵ Опись икон Троице-Сергиевой лавры до XVIII в. и наиболее типичных XVIII и XIX вв. Сергиев Посад, 1920. С. 143—144.

⁶ Образ преподобного Сергия в рост в Москве можно видеть, например, в обыденном храме святого пророка Илии на Пречистенке.

⁷ РГДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 2463, 3325, 3546, 3502.

Рака преподобного Сергия Радонежского. Фото начала XX в.

и за деньги просителей, за первую половину XIX в. в документах Учрежденного Собора лавры представлен всего одним случаем, когда икону Радонежского чудотворца передали в 1822 г. в Коломенский Ново-Голутвин монастырь в новую, подготовленную к освящению церковь во имя преподобного Сергия из ризницы лавры. Отмечено, что икона была «качеством писания не очень великой древности...не более ста лет», «с приписными на полях двумя святыми, во облаче образ Святыя Троицы, у троичного и у чудотворца образов венцы и цаты серебряные чеканные, а у святых на полях гладкие...»; далее описываются украшения оклада — жемчуг, бирюза и красное стекло⁸. Этот образ, вероятно, мог быть списком с образа на гробовой доске, на окладе которого, по цитированной описи 1920 г., также в возглавии помещалась маленькая икона Святой Троицы. Однако в

лавре имелся и другой вариант написания преподобного Сергия в рост. Отличие его состоит в том, что здесь руки святого опущены вниз и разведены в стороны, а свиток — развернут⁹. Причем добавление иконы Святой Троицы на списках с этого образа также встречается.

Можно предположить, что икона преподобного Сергия на гробовой доске до августа 1848 г. воспринималась молящимися исключительно в комплексе с гробом святого, поскольку, во-первых, она была написана на крышке раки и почти полтора столетия находилась в благодатной близости к святым мощам и, во-вторых, уже в качестве собственно образа стояла в Троицком соборе лавры рядом с ракой, у которой, а следовательно, и около образа (к которому богомольцы также прикладывались), по молитвам преподобного, происходили исцеления больных и другие чудеса. Наиболее очевидные случаи, т.е. происшедшие на глазах у гробовых иеромонахов, описывались последними в отчетах Учрежденному Собору лавры. Затем эти происшествия исследовались на достоверность, и результаты также докладывались Собору. Подобная информация есть за 1822, 1828 и 1832–33 годы¹⁰.

Именно эта особая духовная связь образа со святыми мощами, прославившая его в Московской губернии как чудотворный, и побудила окрестных жителей обратиться в 1848 г. с просьбой о разрешении на посещение их с иконой по случаю холерной эпидемии. В подтверждение этого можно привести цитату из воспоминаний (рукопись 1910 г.) иеромонаха Троице-Сергиевой лавры Нафанаила (Бачкало) (1866—? после 1925), в начале XX в. несшего послушание «ходового», т.е. старшего духовного лица, сопровождавшего образ преподобного Сергия во время ежегодных крестных ходов по Московской губернии: «При образе преподобного находится и часть его св[ятых] мошей, а часть мошей святых, говорит св[ятой] Златоуст, равняется цельным мощам, стало быть, принимающий эту святыню, все равно как бы он принял цельные мощи, которые шестую сотню почивают в нетленна [в нетлении] в Троицком Соборе великой Сергеевой лавры и точат непрестанные исцеления верующим и другие чудеса благодатную [благодатию] Божиею обильно во славу Господа нашего И[исуса] Христа и Его вели-

⁸ РГДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 3645. Л. 2, 5, 8.

⁹ Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977. С. 140, 178. Подобная икона, датированная серединой XVII в., представлена, в частности, в экспозиции Государственной Третьяковской галереи.

¹⁰ РГДА. Ф. 1204. Оп. 1 Д. 3679, 4533, 4736.

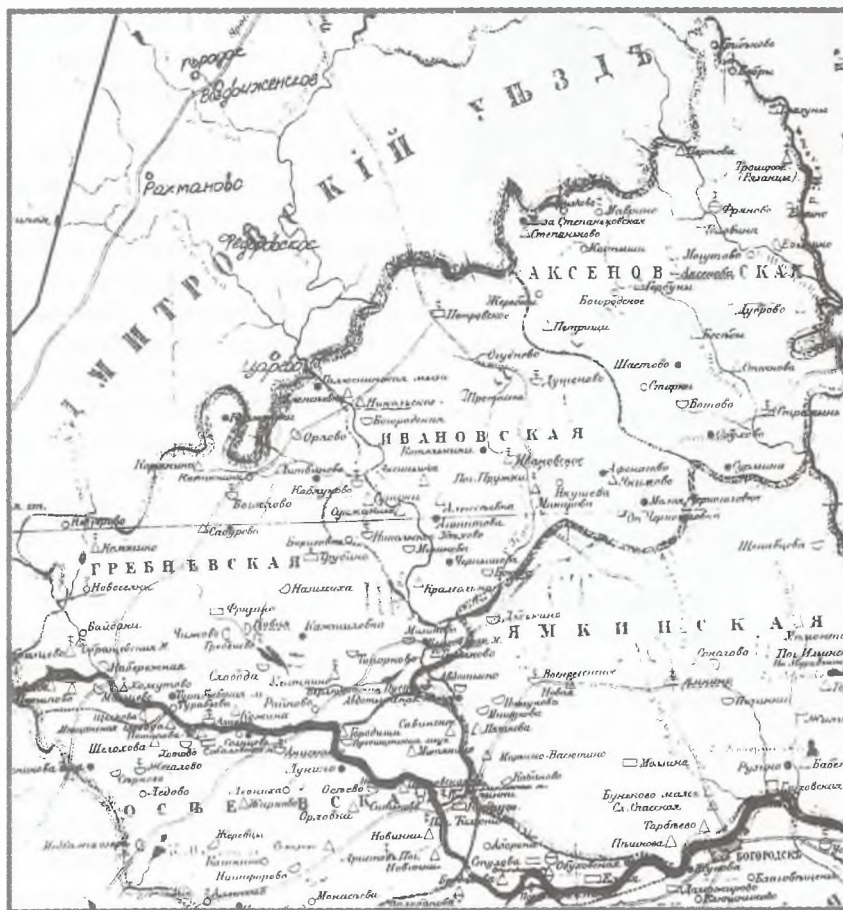
кого угодника, — на спасение душ наших совершаемые»¹¹.

Холера 1847—1848 гг. представляла собой вторую волну эпидемии, начавшейся в 1830—1831 гг. Ранее Россия обходилась без масштабных вспышек этой болезни. Таким образом, к 1840-м гг. у населения уже имелся некоторый опыт борьбы с заболеванием, в том числе и духовными методами.

Первой эпидемией, распространявшейся по России из Астрахани с июня 1830 г., была охвачена 31 губерния (из 48). В Москве начало болезни зарегистрировали в середине сентября. Концом эпидемии считается март 1831 г., однако вялое течение болезни продолжалось до 1834 г. С начала появления первой волны холеры российские власти предпринимали энергичные меры, чтобы воспрепятствовать ее распространению. В 1830 г. министр внутренних дел граф А. А. Закревский признал холеру заразной болез-

нью. В том же году, еще до массового распространения эпидемии, специально созданный при Медицинском департаменте Министерства внутренних дел временный медицинский совет настоял на строгом карантине для подвергшихся болезни местностей. Во все губернии были разосланы наставления о мерах борьбы против холеры, не слишком изменившихся и полтора века спустя и выражавшихся в очистке населенных мест и сточных вод, охране водоемов, обеспечении населения доброкачественной питьевой водой и санитарной охране границ очагов инфекции. Особая роль отводилась своевременному оповещению о приближении болезни соседним губерниям и уездам, этим добросовестно занимались губернаторы и земские суды.

Реакцией населения на эпидемию был в основном испуг. «Многие жители Москвы повыехали из нее в отдаленные северные города или деревни, между тем как другие, наоборот, запирались в до-

Карта Московской губернии. Начало XX в.

мах, запасшись наперед съестными припасами и рекомендованными от правительства предохранительными медицинскими средствами, каковы: дегтярная вода, хлористая известь и т.д.»¹² На московских заставах по обеим сторонам дороги жгли костры, чтобы окуривать дымом въезжающих в город¹³.

Однако, по мнению исследователя холерных эпидемий 20—70-х гг. XIX в. доктора Г. И. Архангельского, заметного влияния на ход эпидемии карантинные меры не оказали¹⁴.

При наступлении второй волны болезни, в сентябре 1847 г., настоятель Троице-Сергиевой лавры митрополит Московский Филарет (Дроздов) (+1867) писал своему наместнику архимандриту Антонию (Медведеву) (+1877): «Что вы боитесь холеры, может быть, это к лучшему. Лучше помолитесь. Я что-то смотрю на приближение холеры, как просто на приближение осени»¹⁵.

Разочарованные результатами кампании по предотвращению развития инфекции во время предыдущей эпидемии, российские власти ослабили усилия в этом направлении. Более того, московский генерал-губернатор князь Щербатов в сентябре 1847 г. пытался скрыть информацию о начале болезни¹⁶. Отсутствие карантинных мер никак не повлияло на скорость распространения холеры, наоборот, в 1847—48 гг. она распространялась медленнее, чем в 1830—1831 гг., зато очень равномерно, причем различие в путях сообщений практически не оказывало на нее влияния.

В первой половине сентября 1847 г. болезнь почти одновременно появилась в Курской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, Тульской, Рязанской, Владимирской и Московской губерниях. Всего за 1847—48 гг. холерой было охвачено 34 губернии. В течение 1848 г. в Московской губернии заболело 59 000 человек и умерло — 27 917, что составляет 18,6 % на каждую 1000 жителей

(во время первой эпидемии за период с середины сентября 1830 г. по март 1831 г. этот процент был 4,4 %) ¹⁷. Самая высокая смертность в губернии наблюдалась в июле — 96% из числа заболевших. В июне было зарегистрировано 45%, в августе — 34%, в сентябре — 2% ¹⁸. По уездам наибольшее число смертельных исходов зафиксировано в Московском — 20% и Звенигородском — 28 % на 1000 жителей ¹⁹. В Богородском и Дмитровском уездах Московской губернии, по которым в августе—сентябре 1848 г. проходил крестный ход с чудотворным образом преподобного Сергия Радонежского, число жителей, пострадавших от холеры с мая по сентябрь было соответственно ²⁰:

Уезды	Всего жителей	Заболело	Умерло	% на 1000 жителей
Богородский	132 400	2 338	1 053	8
Дмитровский	111 400	5 646	1 995	18

При этом доктор Архангельский отмечал некую странную особенность развития инфекции, именуя ее «темным пятном в этиологии холеры», когда «переносчивость и заразительность болезни, а тем более известные вспомогательные причины ²¹, как бы они сильны не были, не объясняют нам ни начала, ни конца эпидемии... Нередко встречается, что эпидемия оканчивалась в то время, когда начинали действовать сильные вспомогательные моменты. ... Можно ли считать случайным совпадением, что холерный агент (вибрион, — Н. К.) продолжает свое существование именно на периферии, до которой достигла катившаяся холерная волна, между тем как губернии, вошедшие в состав центральной пло-

¹² Корсунский И. Покров милости Божией над лаврою преподобного Сергия и Сергиевским Посадом во времена губительных болезней. Сергиев Посад, 1892. С. 7.

¹³ Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 6.

¹⁴ Архангельский Г. И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823—1872. СПб., 1874. С. 102.

¹⁵ Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкия Сергиевы Лавры архимандриту Антонию 1831—1867 гг. Ч. 2. М., 1878. С. 348—349.

¹⁶ Корсунский И. Покров милости Божией. С. 19.

¹⁷ Архангельский Г. И. Холерные эпидемии... С. 158, 110.

¹⁸ Там же. С. 149.

¹⁹ Там же. С. 251.

²⁰ Там же. С. 250—251.

²¹ В числе вспомогательных причин, наряду с неблагоприятными природными условиями, плохим водоснабжением и бытовой антисанитарией, специалисты называли «крестные ходы, ярмарки и т.п. случайные скопления значительного числа людей в одном месте...» — Б. В. Владыкин. Материалы к истории холерных эпидемий 1892—1895 гг. в пределах Европейской России. СПб., 1899. С. 31.

щади, пройденной холерной волной, оставались свободными от холеры? Здесь очевидно участвует особый фактор, независимый от холерного агента, но обуславливающий собою его существование»²². Проще говоря, «...есть места, по-видимому, заключающие в себе много условий, благоприятствующих развитию холеры, и однако, милостию Божиею хранимые от поражения сею болезнью»²³.

Необъяснимое, с точки зрения науки, как правило, становится понятным в толковании духовном. В общеправославной традиции и в русском православии подобные «морские поветрия» всегда воспринимались как проявление Божьего гнева за грехи людей, заставляющее задуматься прежде всего о своем духовном состоянии и призывающее ко всеобщему покаянию.

Выдающийся духовный деятель XIX в. митрополит Филарет (Дроздов) во время эпидемий 1830 и 1847—1848 гг. неоднократно подчеркивал, что необходимо «паче всего предохранять и подкреплять себя средствами и пособиями святой веры»²⁴. Вместе с тем, владыка неустанно убеждал духовенство на местах: «...вразумлять народ, что предписываемые начальством предосторожности против заразительной болезни употреблять должно послушливо и верно. Ибо если кто, поступя в противность сим предосторожностям, внесет заразу в свое селение, где он живет: таковой даст Богу ответ как за нарушение заповеди повиновения начальству, так и за то, что сделался виною беды для своих собратьев»²⁵. Мудрый пастырь также подчеркивал неоднородность поражения болезнью Московской губернии: «Инде целое селение между другими, постигнутыми губительною болезнью, являлось огражденным от нее; и нельзя было приметить никакой ограды, кроме усердной общественной молитвы. Инде, уже водворившаяся в селении болезнь и смерть отступали от оно, как скоро посещала оно некая святая, верою призванная»²⁶.

В литературе XIX в. о Троице-Сергиевой лавре неоднократно упоминается, что, вопреки здравому смыслу, холера обошла ее стороной. Действительно, учитывая большое количество насель-

ников (около 200), студентов находившейся на территории лавры Духовной Академии, «...приходящих с разных сторон богомольцев и путешественников считая ежегодно десятками и сотнями тысяч, обитель преподобного Сергия и сама по себе, вследствие скученности живущих в ней и легкости занесения заразы в нее от приходящих, если смотреть на дело с точки зрения санитарных условий, должна бы быть считаемая за очаг для развития в ней эпидемических болезней вообще и холеры в особенности»²⁷.

Среди рекомендаций митрополита Филарета относительно охранных мероприятий были и касающиеся монастырей. «В монастыре, где оказался сомнительный болезненный случай...:

1. ворота монастыря иметь затворенными и при них сторожа;

2. от окончания вечерни до благовеста к литургии без чрезвычайной надобности посторонним входа в монастырь не позволять...;

6. выход из монастыря позволять не иначе как по необходимым надобностям и приказаниям начальства в удобнейшие дневные часы;

7. начальствующий в монастыре обязан применить сии правила к местным обстоятельствам ... со всевозможным тщанием, чтобы и от чужих больных беречь своих здоровых, и от своих больных беречь своих здоровых»²⁸.

Между тем, единственным проявлением карантинных мер в лавре во время первой волны холеры стало ослабление режима обучения студентов Духовной Академии. Была значительно сокращена продолжительность лекций, а сами студенты размещены в стенах Академии так, чтобы уменьшить количество контактов друг с другом.

Оперативные сведения о количестве заболевших, выздоровевших и умерших от холеры в Московской губернии публиковались в газете «Московские губернские ведомости». В 1848 г. в течение августа (в этот временной отрезок частично попадает и крестный ход с образом преподобного Сергия) в Сергиевом Посаде цифры заболевших еженедельно колебались в пределах 4—6 человек, выздоровевших — 2—6, умерших — 0—1²⁹.

²² Архангельский Г. И. Холерные эпидемии... С. 23—24.

²³ Корсунский И. Покров милости Божией... С. 3.

²⁴ Архимандрит Григорий (Воинов). Распорядительность Филарета, митрополита Московского, в 1830 г. в холерное время. М., 1877. С. 3.

²⁵ Там же. С. 13.

²⁶ Корсунский И. Покров милости Божией... С. 31.

²⁷ Там же. С. 5.

²⁸ Архимандрит Григорий (Воинов). Распорядительность... С. 4—5.

²⁹ Московские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. № 32—38. М., 1848.

Почти такие же цифры наблюдались и в г. Богородске, гораздо менее посещаемом, чем Сергиев Посад. При этом общий процент заболеваемости в Дмитровском уезде, к которому относилась лавра, был выше среднего (см. помещенную выше таблицу). Постепенно эпидемия смещалась из Дмитровского уезда в Богородский, и если в конце июля — начале августа большее число заболевших отмечалось в Дмитровском, то в конце августа — в Богородском уезде.

Что касается духовных мер преодоления напасти, то во все времена православный народ России в подобные моменты обращался к общей, сугубой молитве. В наставлениях сельским священникам в 1830 г. митрополит Филарет советовал

лостью преложить и благодатию Божиею спастися душевно и телесно»³⁰.

Первое молебствие об избавлении от холеры в Москве прошло 18 сентября (ст. ст.) 1830 г. при освящении церкви святого Василия Кесарийского на Тверской улице. Тогда же было сказано первое слово митрополита Филарета о наступающей болезни (впоследствии владыка неоднократно обращался к населению Москвы с увещаниями и наставлениями по поводу правил христианского поведения в чрезвычайной ситуации).

Обстановка в городе, по мере развития болезни, становилась все более напряженной. «Смертность с каждым днем все усиливалась, фуры развезжали в Москве по улицам и переулкам и вместе

Карта Московской губернии. Богородский уезд. Начало XX в.

«внушать также народу и то, что в опасности общественного бедствия не должно предаваться унынию, а еще менее беспорядкам, которые вновь прогневляют Бога и увеличивают зло, но должно каждому приносить Господу Богу покаяние и молитву и убегать злых дел, дабы гнев Божий на ми-

с больными иногда хватали и пьяных. ... боялись ходить по улицам, выезжали в крайних случаях, и каждый опасался принять кого-нибудь к себе в дом. ... Весь город точно разъехался или вымер, редко-редко кто проедет или пройдет, везде затворены ворота, закрыты ставни и завешены окна»³¹.

³⁰ Архимандрит Григорий (Воинов). Распорядительность... С.7.

³¹ Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 321.

г. Богородск. Фото начало XX в.

С точки зрения умудренных опытом духовных лиц, было очевидно, что горожане подавлены и нуждаются в поддержке и ободрении. Снисходя к немощам своей паствы, митрополит Филарет, считавший, что «тревожное состояние духа вредно»³², 25 сентября 1830 г. (ст. ст.) отменил традиционный визит в лавру на праздник преподобного Сергия Радонежского (а перед этим — поездку в Санкт-Петербург на заседание Священного Синода), оставаясь в городе, чтобы показать москвичам, что их архипастырь не оставляет своих приунывших чад в тяжелом испытании и готов разделить с ними любую судьбу.

Однако, страх — страхом, а христианский долг — долгом. Хотя население и было напугано, это совершенно не отразилось на проявлениях веры. Крепость веры наших предков была такова, что никому и в голову не пришло бы игнорировать принятые в таких случаях духовные средства потому, что они могли способствовать распространению инфекции. В день памяти древнего богоприятного молитвенника за область Московскую в Москве состоялись крестные ходы из всех храмов и монастырей и были проведены молебствия по чину, составленному

митрополитом Филаретом, поскольку, по словам владыки, «...общим крестным хождением столь обширного града обнять не можно: полезно же, чтобы, по возможности, всякое место ознаменовано было молитвою, присутствием святыни и благословением Церкви»³³.

Одновременно, по местному почину, ряд крестных ходов проходил и в некоторых монастырях Московской губернии, например, в Аносинском Борисоглебском монастыре Звенигородского уезда. В Сергиевом Посаде крестный ход вокруг города был устроен по инициативе лаврского начальства. Сведений об участии в нем образа преподобного Сергия в рост не обнаружено. Митрополит Филарет, всегда выражавший принципиальное одобрение сугубой молитвы, писал в лавру: «Очень благодарю отца наместника (архимандрита Афанасия (Федорова +1831) — Н. К.) и собор за сие распоряжение. И здесь (в Москве — Н. К.) ныне крестные ходы не только из Собора (Успенского Московского Кремля — Н. К.), но и по всем приходам»³⁴.

В октябре 1847 г., при начале второй эпидемии холеры, снова проводился крестный ход также ор-

³² Письмо митрополита Московского Филарета... Ч. 2. С. 414.

³³ Архимандрит Григорий (Воинов). Распорядительность... С. 1.

³⁴ Там же. С. 2.

ганизованный Троице-Сергиевой лаврой «с молебнами и остановками для коленопреклоненных молений на площади перед лаврою и на известных местах в Посаде и в окружности его»³⁵. В это же время крестный ход состоялся и в подведомственном лавре Вифанском монастыре. Кроме того, в храмах лавры и Сергиева Посада в продолжение эпидемии возносились молитвы об избавлении от морового поветрия.

18 июля состоялся крестный ход вокруг города, протяженность которого составила около 15 верст. При этом духовенство с образами и хоругвями плыло в лодках по реке, а молящиеся шли по берегу, в определенные моменты «становясь на колена и повергаясь ниц». Особо отмечалось активное участие крестьян окрестных деревень и сел в этом благочестивом мероприятии, «потому что богомольные крестьяне постоянно приходят в город

Общество хоругвеносцев г. Богородска. Фото начало XX в.

«Утешаюсь, что вы соборне молитесь о избавлении от бедствия и что имеете плод сего в хранении», — писал 13 июля 1848 г. митрополит Филарет архимандриту Антонию³⁶.

Приближение серьезной опасности способствовало напряжению духовных сил населения России. Даже в отдаленных местах, мало задетых эпидемией, устраивались крестные ходы. Так, в июле 1848 г. в г. Великий Устюг произошли первые случаи заболевания холерой. «Но жители скоро опомнились от внезапного страха, всеми овладевшего, и с теплыми молитвами обратились к Богу»³⁷.

на всякое общее молебствие, несмотря ни на погоду, ни на свои нужды семейные»³⁸.

В Московской губернии, как и в других частях России, пораженных холерой, во время эпидемий широко практиковалось оградительное обношение святынями из местных обителей и храмов очагов инфекций — для их освящения и возможного предотвращения распространения заболевания, а также не охваченных болезнью мест для предупреждения наступления болезни. Фактически это выглядело как длительные, многодневные крестные ходы, переходящие из селения в селе-

³⁵ Корсунский И. Покров милости Божией... С. 20.

³⁶ Письма митрополита Московского Филарета... Ч. 2. С. 417.

³⁷ Крестный ход в Устюге во время холерной эпидемии 1848 г. // Прибавление к Журналу Министерства Народного Просвещения. Кн. 1. М., 1849. С. 2.

³⁸ Там же. С. 3.

ние, сопровождаемые большим числом местных жителей, помогавших нести святыню и приносивших к ней больных. Территорию при этом, сколь бы обширна она ни была (инициативные крестные ходы, как правило, проходили в пределах одного уезда или группы населенных пунктов внутри уезда, объединенных особым почитанием определенной святыни), обходили так, чтобы при возвращении шествия в монастырь или храм получился круг, т.е. дважды в одно и то же место не входили. Впоследствии некоторые из этих крестных ходов стали традиционными и повторялись каждый год в память о приключившемся бедствии (во избежание подобного на будущее время) и для предоставления наибольшему числу жителей (по их просьбам) возможности молитвенного общения со святыней. Из возникших в 1830—1831 гг. к таким крестным ходам относится, например, крестный ход из кафедрального собора г. Дмитрова с семиконечным чудотворным крестом, обходивший часть населенных пунктов Дмитровского уезда³⁹.

В 1848 г. был совершен крестный ход с чтимой иконой Божией Матери Иерусалимской из г. Бронницы по многим приходам Бронницкого уезда. Вот как происходила встреча святыни в с. Новоявленском: «Иные имели еще силу выйти сами, других, более слабых, выводили и выносили. Все они ложились вдоль дороги, прося, чтобы святая икона была пронесена над ними»⁴⁰. Этим крестным ходом была установлена новая традиция — выноса иконы из города. К этому времени прославленная уже в 1771 г. во время эпидемии чумы, икона, в воспоминание событий того времени, каждое десятое воскресенье по Пасхе обносилась вокруг г. Бронниц. Впоследствии были созданы две традиции ежегодного хождения этой святыни по Московской губернии, обе связанные со вспышками холеры. Первая возникла в 1866 г., когда 12 августа (по ст.ст.) икону приносили в г. Подольск. «Замечательно, что еще с утра в этот день не было заболеваний и во весь день никто не умер и холерная зараза с этого дня и совсем кончилась. С этой поры каждый год благодарные жи-

Крестный ход с иконой Божией Матери Иерусалимской в г. Богородске. Фото начало XX в.

³⁹ Касаткин Д. В. Сказание о древнем чудотворном кресте Господнем, находящемся в Успенском соборе города Дмитрова Московской губернии. Дмитров, 1895. С. 1. Токмаков И. Историко-статистическое и археологическое описание г. Дмитрова (Московской губернии) с уездом и святынями. М., 1893. С. 37.

⁴⁰ Сказание с высокочтимой иконе Богоматери Иерусалимской, что в городе Бронницах Московской губернии. // Журнал Московской Патриархии. № 10. М., 1996. С. 32.

тели города Подольска 12 августа вносят святую Иерусалимскую икону Бронницкую в свой город для торжественнейшего богослужения, величественного крестного хода из соборной церкви на городскую площадь к часовне и умиленных молебствований по улицам города изо дня в день. Вся эта неделя пребывания в Подольске желанной святыни представляет как бы единую светлую неделю Пасхи⁴¹. Второй маршрут иконы — в с. Павловский Посад Богородского уезда, впервые проложенный по просьбе жителей этого села во время холеры 1873 г., особенно сильно проявившейся в этом месте. «Это и было началом хождения со святой иконой Иерусалимской по Богородскому уезду, которое каждый год и совершается в два обхода — в июле и в сентябре»⁴². Во время пребывания святыни в этом уезде ее приносили в уездный город⁴³.

Развитие почитания Иерусалимской иконы в Московской губернии происходило путем постепенного расширения границ обходимой территории и установления фиксированных дат и сроков, в которые хождение осуществлялось. Подобный путь развития является характерным и для других аналогичных традиций, при этом такие хождения, как правило, происходят в теплое время года (конец весны, лето, ранняя осень).

В рамках традиции оградительных крестных ходов, возникших во время эпидемии 1847—1848 гг., возникло и шествие с чудотворным образом преподобного Сергия Радонежского на гробовой доске из Троице-Сергиевой лавры по Богородскому и Дмитровскому уездам Московской губернии. Оградительное назначение его явствует из текста «Описания», где указано, что крестный ход вышел из Сергиева Посада в сторону Хотькова монастыря, а вернулся через Гефсиманский скит, т.е. с противоположной стороны. Он начался 22 августа (ст. ст.), когда отмечалась очередная дата коронации императора Николая Павловича и императрицы Александры Феодоровны. Обычно в этот день в лавре служился молебен о здравии императорской четы и бывал соборный обед в большой трапезной.

Характерной особенностью этого крестного хода была его изначальная масштабность, большой охват территории. Протяженность маршрута превысила 100 км. Его продолжительность (месяц) также была очень велика для впервые проводимого крестного хода.

Другой отличительной особенностью хождения, вызванной не только сугубым почитанием чудотворного образа как святыни, но и личным сердечным отношением к преподобному Сергию обитателей лавры и жителей Московской губернии, стало посещение крестным ходом всех мест, связанных с именем угодника, в том числе могилы его родителей в Хотьковом монастыре.

Образ преподобного Сергия Радонежского был приглашен в село Трубино Богородского уезда Московской губернии, однако по ходу следования к нему обошел все встретившиеся на пути населенные пункты. Подобная практика сохранялась и в последующие годы бытования традиции этого хождения. По свидетельству текста «Описания» и документов Духовного Собора лавры, инициатива приглашения этого образа принадлежала жителям села Трубина и лично — Егору Филипповичу Бочарову, крестьянину по происхождению, владевшему фабрикой по производству тафты и саржи.

Вот как описывает о. Нафанаил эти и последующие события в Трубине: «Московской губернии Богородского уезда в селе Трубине, его жители как бы гордятся ходом по провинции иконы прп. Сергия и в то же время ни за что не пропустят мимо себя эту икону, когда бываем в том крае: «Через нас, — говорят они, — начали носить преподобного, и мы первые подняли этот образ. Это именно и было в то время, про которое сейчас говорилось, т.е. 1848-й год, 62 года тому назад. Многие в Трубине еще живы, при которых приносили к ним преподобного, еще помнят, а в числе их и почтеннейший старец, заштатный священник о. Иван, который и принимал икону и служил молебны во время холеры, а также набожная вдова Елена Андреевна Бочарова, покойный ее муж, который главный и был виновник поднятия святыни. В [У] Бочарова была красильная фабрика в Трубине, он также был и церковным старостой и в свое время славился как состоянием, так же и религиозностью; по смерти его фабрика закрылась, а верующая вдова более начала обращаться к Богу, живя на проценты в большом двухэтажном каменном (после мужа) доме, воспитывая присных и с усердием принимая в свой дом ходящих со святынями, особенно — с преподобным, дая прекрасное помещение для ночевки и обильно угощая, спаси ее, Господи». «Во время сильной холеры тогда г-н Бочаров идет в Москву к владыке мит-

⁴¹ Сказание о высокочтимой иконе... С. 32.

⁴² Там же.

⁴³ Уездный город Богородск на старых photographиях. Ногинск, 1996. С. 28—29

рополиту Филарету, получа разрешение от первосвященника Московского, собирает сельскую (оставшуюся еще в живых) рать и идут, поднимают и несут преподобного, где образ несли, так тут же холера и прекращалась: это селы — Воздвиженское, Царевское и деревни, а когда в Трубине отслужили преподобному молебен, и обойдя кругом села, так тоже сейчас холера остановилась.

После этого, мало-помалу, все больше и больше начали просить и брать святой образ, а теперь вошло это как бы в обязанность и закон принимающих эту святыню и сопровождающих ее»⁴⁴.

Таким образом, крестный ход, возникший вследствие общепринятого в Московской губернии и особенно в ближайших к лавре уездах почитания преподобного Сергия как особого молитвенника и заступника за «Московскую весь», в свою очередь, заложил основы традиции сугубого отношения к этому угоднику Божию в с. Трубине. В 1848 г. село не имело своего храма и принадлежало приходу близлежащего села Гребнева. В том же году, сразу после окончания холерной эпидемии, т.е. в период с октября по декабрь, на средства Е. Ф. Бочарова был заложен, а 25 сентября 1852 г. освящен каменный храм в честь преподобного Сергия Радонежского, с приделами святителя Николая и святого Георгия Победоносца⁴⁵.

Об устойчивости традиции почитания образа преподобного Сергия в рост, ее наследственной преемственности и очень серьезном отношении к ней и жителей села, и духовного руководства лавры свидетельствует письмо-напоминание, поступившее 4 августа 1898 г. состоявшему «при хождении с образом» иеромонаху Нифонту 2-му (Мамаеву) из Духовного Собора за подписью наместника лавры, следующего содержания: «Церковный староста села Трубина Богородского уезда Иван Филиппович Бочаров заявил Духовному Собору, что 26 сего августа исполнится ровно пятьдесят лет с тех пор, как по случаю свирепствовавшей в 1848 г. холеры образ преподобного Сергия в первый раз был принят в названное село, после чего холера в той местности прекратилась. Желая благодарно воспоминать это знаменательное для означенной местности событие и совершить по сему случаю в своей приходской церкви торжественное богослужение, староста Бочаров просит о принесении к этому дню в село Тру-

бино образа преподобного Сергия. Почему Духовный Собор предписывает Вам исполнить просьбу старосты Бочарова и прибыть с образом в село Трубино ко всеобщей 25 августа, где образ будет встречен благочинным лавры иеромонахом Олипием (также несшим в это время послушание хождения с образом. — Н. К.)»⁴⁶.

Из приведенной цитаты можно сделать вывод, что в течение полувека в селе сохранялась память о чудесах исцеления, бывших при крестном ходе из лавры во время холеры в 1848 г., передаваясь из поколения в поколение, пример чему — семья Бочаровых, прилагавшая немало усилий для поддержания в Трубине высокого уровня благочестия.

Пример Трубина имел в Московской губернии и за ее пределами немало аналогов. По мере развития и бытования традиции крестного хода и установления маршрутов следования в населенных пунктах постоянного посещения формировались: местные традиции, связанные с приемом образа преподобного Сергия Радонежского (например, в с. Васильевском Дмитровского уезда, д. Бобошиной и с. Шарাপове Александровского уезда Владимирской губернии)⁴⁷.

Многодневные крестные ходы, как явление в духовном смысле исключительное и организационно сложное, требовали санкции высшего руководства епархии. В исследуемом случае такое разрешение «первоначально было дано высокопреосвященнейшим митрополитом Филаретом, о чем упоминается в брошюре (в «Описании». — Н. К.); но дано оно, вероятно, словесно, или, м. б., частным письмом на имя наместника лавры, т.к. официального дела о сем в делах Собора за то время не имеется, а из последующих годов видно, что архиастырское разрешение на хождение с образом по городам и селам (Моск[овской] губ[ернии]) испрашивалось однажды и навсегда при вступлении на Московскую епархию нового архиастыря»⁴⁸.

В опубликованной переписке митрополита Филарета с наместником Троице-Сергиевой лавры архимандритом Антонием такого письма нет. Однако в письме владыки № 653 от 09.09.1848 г. упоминается о самом событии: «Срадуюсь усердно приемлющим посещение иконы преподобного»⁴⁹. Московский архиастырь приезжал в Николаевскую Берлюковскую пустынь Богородского

⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 303 П. К. 13. Д. 2. Л. 3—4.

⁴⁵ *Сведения о селениях и жителях Московской губернии*. Ч. 1. Богородский уезд. Гребневская волость. М., 1873.

⁴⁶ РГДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 15390. Л. 6.

⁴⁷ Там же. Д. 17463. Л. 23—24, 41, 45.

⁴⁸ Там же. Д. 15833. Л. 2—3.

⁴⁹ *Письма*. Ч. 2. С. 428.

уезда на освящение соборного храма во имя Христа Спасителя, где встретился с крестным ходом, проходившим по этим местам⁵⁰.

Вследствие расширения обходимой с образом территории и включения во второй половине XIX в. в ее состав частей Владимирской и Тверской губерний разрешение на их посещение испрашивалось у местных епархиальных властей.

Таким образом, крестный ход с образом преподобного Сергия Радонежского из Троице-Сергие-

вой лавры по Московской губернии в августе — сентябре 1848 г., возникший как оградительный во время эпидемии холеры, в силу известности преподобного Сергия как небесного покровителя Подмосковья и в результате отмеченных очевидцами исцелений и прекращения болезни в сентябре 1848 г., имел широкий резонанс, сразу же получив дальнейшее развитие, и стал ежегодным, значительно обогатив собой общую традицию почитания преподобного Сергия в Московской губернии.

⁵⁰ Об этом событии есть упоминание в тексте «Описания»: «Здесь (на лосинном заводе, вблизи Берлюковской пустыни — Н. К.) в проезд его высокопреосвященства на освящение храма в пустыни, иноки (участники крестного хода — Н. К.) приняли благословение отца своего и архипастыря».

Приложение

Сведения о маршруте крестного хода

Маршрут крестного хода 22 августа—21 сентября 1848 г. пролегал частично по территории Дмитровского, частично — Богородского уездов. В этих местах по причине глинистых почв хлебопашество было мало развито. Местные жители в основном работали на различных казенных, т.е. государственных, и частных промышленных предприятиях, большая численность которых являлась отличительной особенностью хозяйства Московской губернии. Наиболее развито было производство текстиля, бумаги, химической продукции и галантерейных изделий.

По ходу следования крестного шествия, в «Описании» упомянуты следующие населенные пункты Московской губернии¹:

Дмитровский уезд

Село Клементьево — пригород Сергиева Посада, к югу от лавры. В селе был храм в честь Сошествия Святого Духа.

Деревня Машино, стоявшая в 4 в.² от лавры на проселочной дороге.

¹ Сведения о населенных пунктах получены из следующих изданий: Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами с прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и знаменитейших церквях. М., 1787; *Нистрем К.* Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. М., 1852; Почтовый дорожник Российской Империи. СПб., 1863; Сведения о селениях и жителях Московской губернии. Ч. 1. Богородский уезд. М., 1873; Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897; *Семенов, Ламанский.* Россия, полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1899; *Смирнов С. К.* Церковно-исторический месяцеслов Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1850; Покровский Хотьков девичий монастырь. М., 1854; *Снегирев И. М.* Путеводитель из Москвы в Троице-Сергиеву лавру. М., 1856; *Иеросхи-монах Авель.* Гефсиманский скит. М., 1867; *Строитель Нил (Софронов).* Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875; *Токмаков И.* Историко-статистическое и археологическое описание г. Дмитрова (Московской губернии) с уездом и святынями. М., 1893; *Попадейкин В. И., Труков В. В., Тарунов А. М.* Тропами Подмосковья. М., 1989.

² Верста — 1,0668 км.

Покровский монастырь с. Хотьково. Фотография начала XX в.

Деревня Рязанцы в 8 в. от лавры. Рядом с ней — Стефанова часовня, построенная в память молитвенного общения преподобного Стефана Пермского и преподобного Сергия Радонежского. В часовне находился восьмиконечный дубовый крест, обитый липовыми досками. На одной стороне его — Распятие, на другой — изображение преподобного Сергия Радонежского.

Село Городок (в древности называвшийся Радонеж, место рождения преподобного Сергия) — в 10 в. от лавры на р. Паже, казенное. В селе был храм Преображения Господня.

Покровский Хотьков девичий монастырь — в 10 в. к юго-западу от Сергиева Посада. В середине XIX в. в нем подвизалось около 350 сестер. С 1551 г. монастырь находился в ведении Троице-Сергиевой лавры. Наместник лавры приезжал в Хотьково в праздники Покрова, свт. Николая и в шестое воскресенье по Пасхе, когда в монастыре бывал крестный ход. Соборный храм — в честь Покрова Божией Матери с приделами свт. Алексия, митрополита Московского, и преподобного Сергия Радонежского. В Хотьково были погребены родители преподобного Сергия преподобные Кирилл и Мария, прославленные лишь в 1988 г., однако издревле почитавшиеся как святые. У богомольцев, направлявшихся в Троице-Сергиеву лавру, существовал обычай сначала заходить в Хотьков монастырь поклониться гробу родителей преподобного Сергия. Существовала специальная

молитва прпп. Кириллу и Марии об избавлении от морового поветрия, составленная во время эпидемии чумы в 1771 г.³ Однако официального признания Священного Синода в XIX — начале XX вв. она не получила.

Село Воздвиженское, в 3 в. от с. Городок, принадлежало дочери действительного статского советника А. И. Мухановой. В престольный праздник в местный каменный храм Воздвижения Креста Господня бывал из лавры крестный ход.

Село Рахманово, на перекрестке между сс. Хотьковым и Воздвиженским, на р. Сумерке в 12 в. от лавры, казенное. В нем имелись храм, шелковая фабрика и два химических завода.

Село Федоровское, на пути из с. Рахманова в с. Царево, казенное.

Село Царево, на берегу р. Скалбы, 10,5 в. от Рахманова. Принадлежало графине А. Ф. Закревской. В селе был храм и ситцевая фабрика.

Спасо-Вифанский мужской монастырь (Вифания), подведомственный лавре, расположенный в стороне от нее на расстоянии 3,5 верст. Основан в 1783 г. митрополитом Платоном (Левшиным). Соборный храм Преображения Господня. Одной из святынь монастыря был дубовый гроб, в котором в 1422 г. были обретены мощи преподобного Сергия.

Гефсиманский скит (Гефсимания), подведомственный лавре, в 2,5 в. от нее в сторону г. Александрова Владимирской губернии. Основан в 1844 г. митрополитом Филаретом (Дроздовым).

Один из храмов скита освящен в честь Гефсиманского моления Спасителя.

Богородский уезд

Село Петровское, на перекрестке Троицкого и Хомутовского трактов (Хомутовский тракт вел от Москвы до с. Петровского. От с. Петровского до пересечения с Ярославской дорогой шел Троицкий тракт). Принадлежало надворному советнику А.С. Мильгунову. В селе был храм Нерукотворенного Образа Спасителя с приделом свт. Николая, несколько раз в год проводились ярмарки.

Село Трубино, на ручье Гришковке в 4 в. от Хомутовского тракта. Принадлежало коллежскому регистратору и попечителю запасных хлебных магазинов в г. Богородске Ф. Ф. Пантелееву. В селе были две фабрики.

Село Гребнево, погост на р. Любосеевке в 4 в. от Стромьинского тракта (проходил из Москвы в г. Киржач Владимирской губ.). Также принадлежало Ф. Ф. Пантелееву. Население села — священники с семьями и причт. Кроме с. Трубина, Гребневский приход включал в себя пять деревень: Камшаловка, Слобода, Новая, Чижево, Фрязино. Четыре последних принадлежали Ф. Ф. Пантелееву. В селе было два храма — свт. Николая и в честь иконы Божией Матери Гребневской с приделами прп. Сергия Радонежского и св. Феодора

Стратилата. Купол второго храма украшала фигура ангела с крестом, подобная той, которая имела на воротах Троице-Сергиевой лавры.

Город Богородск, уездный (ныне Ногинск), в 48 верстах от Москвы и 40 в. от лавры, на р. Клязьме. В середине XIX в. в нем было 1763 жителя, домов каменных — 12, деревянных — 172, Богоявленский собор с приделами во имя свт. Николая и Покрова Божией Матери. Богородск был одним из крупных центров текстильной промышленности. Из наиболее известных фабрик — Глуховская мануфактура.

Николаевская Берлюковская мужская пустынь, в 40 в. от лавры и в 18 в. от г. Богородска, на берегу р. Вори. Была основана в XVII в., затем пришла в упадок. Была возрождена в 1777 г. митрополитом Платоном (Левшиным). Соборный храм обители — каменный пятиглавый во имя Христа Спасителя. Главной святыней пустыни была редкая чудотворная икона Лобзания Христа Спасителя Иудой, обретенная в 1828 г.

Казенный Лосинный завод находился в подгородной (пригородной) Петровской слободе, населенной в основном мещанами г. Богородска. Завод был создан в XVIII в. по указу Петра I для производства кожаной амуниции (перчаток, ранцев, портупей). Помимо кожевенного завода, имелось еще пять фабрик и каменный храм свт. Николая.

Пороховой завод в селе Обухова слобода, в 17 в. от Стромьинского тракта. В селе была церковь Успения Божией Матери.